

Спускаясь по лестнице, Цзиньли преображалась на глазах. Нежный румянец, только что манивший в уголках ее глаз, бесследно растаял, а хмельная поволока взгляда сошла, точно весенний снег. Теперь в ней не осталось и капли того манящего, греховного очарования, что минуту назад кружило головы гостям.

Когда ее расшитые туфельки коснулись ковра внизу, в загородной зале, она выглядела точь-в-точь как благородная девица из почтенного и знатного семейства.

Сы Вэй невольно поднялся ей навстречу.

Цзиньли лишь тихо вздохнула и едва заметно кивнула ему:

— Ну полно, садись. К чему эти церемонии?

Она не стала приглашать Сы Вэя пройти вглубь залы, а просто уселась на одно из почетных мест сбоку от центрального стола.

Придерживая широкие рукава, она перевернула две пиалы, затем сняла пузатый чайник с круглой глиняной печурки, в которой рдели угли. Струйка чая с тихим журчанием пролилась в фарфор. Цзиньли заговорила — неторопливо, нараспев:

— Если ты пришла из-за вчерашнего серебра, то напрасно. Я отдала его в заглаживание чужой вины. Не стоило тебе, такой девчужке, ради этого приходить в подобный вертеп.

— А если ты задумала выудить из меня еще монет... Что ж, раз уж ты ухитрилась разузнать всё про второго молодого господина Лю, то наверняка догадываешься, каково мое нынешнее положение в Башне.

Цзиньли пододвинула пиалу ближе к Сы Вэю. Опершись щекой о ладонь, она с лукавым прищуром посмотрела на гостя:

— И мне, по правде сказать, все равно, кто тебя подослал, что ты задумала и чьим умом пользовалась, когда уговаривала мою служанку... Одно скажу: не место маленькой девочке в публичном доме.

— Я ведь уже не первой молодости, надо и о будущем подумать, скопить хоть какие-то крохи на старость. Вчерашний фэнь серебра считай моим подаянием ради благой кармы. Редко встретишь человека, который бы не побрезговал взять деньги из рук блудницы.

Она задумчиво постучала пальцем по подлокотнику кресла:

— Но большего не проси. Я сама сейчас как глиняный Бодхисатха, переправляющийся через

реку, — того и гляди развалюсь. Своя бы шкура уцелела, где уж мне заботиться о безвестных бедняках?

Цзиньли тихо вздохнула, приподняла пиалу и церемонно поклонилась Сы Вэю:

— Ну вот и всё. Выпей чаю и возвращайся туда, откуда пришла. Негоже тебе тереться среди здешней грязи. Сделаешь один неверный шаг — и погубишь всю жизнь.

С этими словами она оперлась о подлокотники, намереваясь уйти — задерживаться внизу ей явно не хотелось.

Сы Вэй лишь мягко улыбнулся ей в ответ:

— Вчерашняя помощь госпожи была для меня благословением небес. Я обошел пол-уезда, прежде чем узнал имя своей спасительницы, и пришел лишь затем, чтобы вернуть вам долг сторицей... Почему же вы отказываетесь принять этот дар судьбы?

— Добрые дела совершают ради невидимой глазу благодати.

— Но коль заговорили о небесной благодати... Слышали ли вы присказку: «Что Небо дает, бери, а отвергнешь — накличешь беду»?

Сы Вэй сделал шаг вперед, заглядывая ей прямо в глаза:

— Или же госпожа Цзиньли уже смирилась со своей долей?

Цзиньли замерла. Она долго смотрела на него из-под полуопущенных ресниц, а затем вдруг улыбнулась — печально и горько:

— Смирилась или нет — какая теперь разница?

Сы Вэй посерьезнел:

— Я слышал, здешняя хозяйка ведет дела иначе, чем другие матушки.

Цзиньли неопределенно качнула головой:

— И в чем же разница?

— Если здешняя дева скопит достаточно серебра, ей дозволено выкупить себя на волю.

Цзиньли коротко хохотнула — то ли забавляясь его наивностью, то ли поражаясь дремучему невежеству:

— Глупая ты девчонка. А знаешь ли ты, сколько сотен лянов требуют за такой выкуп? И как, по-твоему, бывшей блуднице жить на воле с таким клеймом? На какие шиши?

— Уходи, дитя. Не лезь в это болото, не пачкайся. Тебе потом эту грязь до смерти не отмыть.

— Да и много ли у женщины в этой жизни путей, с которых можно не скатиться в пропасть?

Сы Вэй на мгновение замолчал.

"Похоже, я и впрямь судил обо всем слишком упрощенно"

Упусти он эту возможность — другой не представится. А дома его ждала больная госпожа Ю, которой жизненно необходимы были лекарства.

Сы Вэй глубоко вдохнул, прогоняя прочь сомнения, и твердо посмотрел на собеседницу:

— Даже если вы не думаете о свободе, лишние деньги в кармане еще никому не мешали. В этом мире только серебро дает право жить по-человечески, разве не так?

— Я не бросаю слов на ветер. Если говорю, что верну вам звание первой красавицы Башни Весенней реки, значит, так оно и будет. Я вознесу вас на самую вершину.

Цзиньли так и покатилась со смеху. Качая головой, она устало опустилась обратно в кресло:

— Ох, кабы всё в жизни складывалось по одному лишь твоему хотению, зачем тогда людям молиться богам и Буддам?

Но Сы Вэй упрямо стоял на своем:

— Даже если не верите, что вам мешает попробовать еще раз?

Цзиньли поднесла пиалу к губам, прикрыв лицо широким рукавом. На мгновение ее взгляд сделался непроницаемым, но голос прозвучал все так же спокойно и тягуче:

— Допустим. Но чего ради ты так стараешься? Чего ты хочешь взамен?

— Если ничего не выйдет, это не будет стоить вам ни единого медного гроша. Я просто уйду и

больше не побеспокою. Но если всё получится, я попрошу у вас десять лянов серебра в качестве платы за труды.

Цзиньли покачала головой, сдерживая улыбку:

— Ну ладно. Раз уж ты такая упрямая... попытка не пытка, отчего бы и не попробовать?

— Только запомни то, что я скажу сейчас.

— Наша Башня Весенней реки — лучшее заведение во всем уезде Цзю. У матушки Фэн везде свои люди: от судейских управ до последнего воровского притона в трущобах. Впутаться в наши дела просто, а вот выйти сухой из воды — задача почти невыполнимая.

Пиала опустилась на лакированный столик с сухим стуком. Цзиньли в упор посмотрела на гостя, и в ее глазах мелькнуло нечто пугающее:

— Ну так что? Все еще хочешь попытать счастья?

Сы Вэй слегка склонил голову, но голос его прозвучал твердо, без тени сомнения:

— Да. Даже если так, я попробую.

Цзиньли недолго помолчала, взвешивая его слова:

— Не хотелось мне втягивать невинную душу в этот вертеп, да ты сама на рожон лезешь... Что ж, пускай. «Что Небо дает, бери...» Посмотрим, какую судьбу уготовили мне небеса на этот раз.

— Сегодня уже поздно, двери распахнуты, девицам пора за работу. Даже те, у кого нет гостей, слоняться без дела не могут — матушка не позволит.

— Раз уж мы беремся за дело, иди домой и хорошенько все обдумай. Подготовь всё необходимое. Завтра на рассвете, в третью четверть часа тигра, я пришлю Цинлу встретить тебя у боковых ворот. Там и расскажешь, с чего мы начнем.

— Идет?

Он согласился.

На сердце у Сы Вэя отлегло. Обрадованный, он поспешно кивнул. Пальцы невольно нащупали на поясе связку медных монет — слабую, но все же опору. В душе крепла уверенность в успехе.

Но Цзиньли, в отличие от него, выглядела совершенно безучастной. Окутав себя привычной сонной ленью, она негромко позвала служанку:

— Цинлу, проводи ее к боковым воротам, пусть запомнит дорогу. Завтра на рассвете встретишь ее там же.

Только теперь на лице стоявшей в стороне Цинлу просияла улыбка. Девчушка бойко закивала:

— Будет сделано, госпожа! Уж я ее провожу как надо, а завтра спозаранку встречу и приведу прямо к вам!

Цзиньли лишь безучастно кивнула и, не задерживаясь в зале, неспешно зашуршала шелками вверх по лестнице.

Едва подол хозяйки скрылся за поворотом, Цинлу чуть сдержала улыбку, но радость все равно так и брызгала из ее глаз. Она по-свойски приобняла Сы Вэя за плечо и увлекла к выходу:

— Я тебе вот что скажу: наша госпожа только с виду такая сонная да ко всему равнодушная, а на деле добрее человека не сыщешь! Эх, видела бы ты ее, когда она еще первой красавицей тут ходила, тогда она совсем другой была...

Под эту без умолку журчащую болтовню они добрались до боковых ворот Башни Весенней реки.

Коридор, ведущий к черному ходу, оказался узким и невзрачным. Обычно здесь сновали лишь кухонные служанки да водоносы, гости забредали сюда крайне редко.

Но не успели они сделать и десятка шагов, как дорогу им преградили двое дюжих служителей борделя в грубых коротких куртках, подпоясанных веревками. Они стояли у самых дверей, скрестив руки на груди.

Цинлу мгновенно прикусила язык. Притихнув, она испуганно уставилась на них. Сы Вэй тоже замедлил шаг.

Мужчины недобро прищурились, разглядывая стоявших перед ними девчонок, одна из которых была заметно выше другой.

В подобных заведениях они совмещали обязанности черных рабочих и вышибал: днем таскали тяжести, а ночью следили за порядком и стерегли покой девиц. Двое, что преградили им путь, хоть и не походили на сказочных великанов, ладно скроенными плечами и тяжелыми кулаками обделены не были.

Заметив, что гости нерешительно замерли, один из них шагнул вперед. Скользнув равнодушным взглядом по Цинлу, он вперился в Сы Вэя:

— До матушки Чуньян дошли слухи, будто к нам пожаловала редкая гостья с вестями от второго молодого господина Лю. Хозяйка изволила крайне удивиться и велела проводить тебя к ней.

При этих словах Цинлу побледнела. В ее глазах отразился неподдельный страх.

Он не стал тратить лишних слов и лишь властным жестом указал вглубь коридора:

— Прошу.

Сы Вэй покосился на побелевшую от страха служанку. О том, кто такая эта матушка Чуньян, он уже смутно догадывался.

Отступить было поздно, да и спорить с ними — затея глупая. Сы Вэю оставалось лишь сохранять спокойствие. Послушно повернувшись, он последовал за ним в другую часть здания.

Покои матушки Чуньян располагались не в тихом заднем саду, а ближе к парадному входу Башни Весенней реки. Миновав скрытый за шелковыми ширмами боковой проход просторной залы, они вышли на крытую галерею, которая вела в крошечный дворик.

Уголок этот, несмотря на тесноту, обустроили с большим изяществом: резной мостик над узким ручьем, легкие бамбуковые перила, струящиеся занавеси и расписные экраны. Он остановился у дверей главного павильона и первым делом втолкнул внутрь растерянную Цинлу.

Сы Вэй остался ждать у порога, за плотной узорчатой портьерой. Изнутри не доносилось ни звука.

Киснуть в неведении пришлось недолго — не прошло и четверти часа, как штора вновь качнулась, и мужчина кивком пригласил его войти.

Сы Вэй переступил порог и оказался в парадной зале. На почетном месте в глубине комнаты восседала женщина лет тридцати пяти.

Лицо ее, округлое и моложавое, успело слегка оплыть от сытой жизни, а в уголках глаз разбегались мелкие морщинки — признак того, что хозяйка привыкла часто и радушно улыбаться гостям.

На ней был распашной кафтан цвета темной охры со стоячим воротником и широкими

рукавами, а из-под длинного подола глубокого багряного оттенка виднелись носки расшитых туфель.

На полу перед ней уже стояла на коленях несчастная Цинлу. По обе стороны от кресла хозяйки застыли дюжины плотных, угрюмых прислужниц. Стоило Сы Вэю войти, как все они вперились в него тяжелыми, оценивающими взглядами.

Быстро окинув залу взглядом и не дождавшись приветствия, Сы Вэй посмотрел прямо на хозяйку. Заметив, как та недовольно нахмурилась, он вежливо нарушил молчание:

— Могу ли я узнать... с кем имею честь говорить?

Женщина медленно подняла взгляд, неторопливо разгладила складки на рукаве и заговорила тягучим, весомым голосом:

— Мое имя — Фэн Чуньян. Я здесь заправляю делами и держу долю в заведении. Люди попроще зовут меня Чуньян, те, кто вежливее — матушкой Фэн. Выбирай сама, какое обращение тебе больше по душе.

<http://bllate.org/book/18280/1758175>